

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-376-394

Научная статья

Правовое содержание социально-экономической категории «качество жизни»: аналитический дискурс

Р.Ф. Степаненко

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация,
Университет управления «ТИСБИ»,
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация,
stepanenkorf@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы поиска и нахождения правовых индикаторов социально-экономической категории «качество жизни». С помощью общетеоретического и прикладного методологических уровней правовой аналитики конкретизируются цели и задачи развития социальной сферы, соблюдения и защиты социально-экономических прав и свобод граждан, совершенствования законодательства в изучаемой области. Обосновывается целесообразность формулирования и использования правовых критериев качества и уровня жизни, при помощи которых возможно идентифицировать государство как социальное и правовое. Внимание автора акцентируется на необходимости применения междисциплинарного подхода в исследованиях обособленной для правовой, экономической и, в целом, социогуманитарной науки, категории «качество жизни».

Ключевые слова: качество жизни, правовая аналитика, методология междисциплинарности, правовая политика, индикаторы качества жизни, правовое качество жизни, правовое, социальное государство

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 3 октября 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 апреля 2021 г.

Для цитирования:

Степаненко Р.Ф. Правовое содержание социально-экономической категории «качество жизни»: аналитический дискурс // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 2. С. 376—394. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-376-394

The socio-economic category “quality of life” in the analytical and legal discourse: the issues of the interdisciplinary research

Raviya F. Stepanenko

Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation,
The University of management «TISBI»,
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation,
stepanenkorf@yandex.ru

Abstract. The article deals with the topical issues of searching and identifying legal indicators of the socio-economic category “quality of life”. The goals and objectives of social development, respect for and protection of socio-economic rights and freedoms of citizens, improvement of legislation in the study area are specified with the help of theoretical and applied methodological levels of legal analysts. The expediency of formulation and use of the legal criteria for the quality and standard of living is justified; it helps to identify the state as social and law-governed. The author focuses on the need to apply an interdisciplinary approach in the research of the category the “quality of life”, which is of mutual importance for legal, economic and, in general, socio-humanitarian science.

Key words: quality of life, legal Analytics, methodology of interdisciplinarity, legal policy, indicators of quality of life, legal quality of life, law-governed, social state

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

Article received 3rd October 2021

Article accepted 15th April 2021

For citation:

Stepanenko, R.F. (2021) The socio-economic category “quality of life” in the analytical and legal discourse: the issues of the interdisciplinary research. *RUDN Journal of Law*. 25 (2), 376—394. (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-376-394

Введение. Постановка проблемы

Правовая аналитика в современной интерпретации означает системную, научную мыследеятельностную сферу, исследующую в междисциплинарном контенте эффективность и результаты законотворческой и правореализационной деятельности, а также выдвигающую проблемы и гипотезы юридического характера с позиций возможного прогнозирования тех или иных право-культурных, социально-экономических и иных процессов. Правовая аналитика сегодня динамично генерирует множество научных и практических идей и предложений по совершенствованию, прежде всего, предворяющих правореализацию, нормотворческих инициатив. Дискурсы, аргументы и выводы аналитико-правовой работы, значительным образом, содержат в себе серьезный конструктивный потенциал, выявляя эффективные и логически целесообразные критерии функционирования правового и социального государства, подкрепляя их эмпирическими данными мониторинговых и экспертных оценок специалистов в

рассматриваемых областях. В определенной степени опираясь на социологические и статические показатели исследований актуальных для социогуманитаристики проблем, правовая аналитика на всеобщем, общенаучном, частно-научном методологических уровнях экстраполирует в юридическую науку и практику то необходимое, которое улавливается аналитиком в результате междисциплинарных рефлексий и дискурсов. Последние имеют важное значение с позицией непредвзятости, аргументированности и объективности правовой аналитики, с точки зрения взаимодополнения и толерантного взаимодействия разнообразных сфер гуманитарных наук в единой проектно-исследовательской междисциплинарной деятельности.

Одним из первых в российской юридической науке необходимость формирования отдельного прикладного направления интеллектуальной поддержки в принятии правовых решений — правовой аналитики, обосновывает в своих работах В.Б. Исаков. В решении ключевого вопроса правовой аналитической деятельности, который заключается в переработке собранной информации и обнаружении в ней фактов, данных и сведений не только юридического характера, но и из областей рынка недвижимости, рынка ценных бумаг, бизнеса, финансов и др., должен способствовать междисциплинарный подход (Isakov, 2016).

По справедливому утверждению В.М. Баранова, в современной правовой исследовательской деятельности: «Междисциплинарность не просто один из главных трендов юридической науки и образования, это — гармоничное слияние разных познавательных миров, соединение точного естественно-технического знания и в значительной мере абстрактного, «текущего» правового мышления с его воображением и интуицией, эмоционально окрашенного юридического моделирования» (Baranov, 2019:14).

Востребованность аналитической правовой деятельности редуцируется из многообразия существенных, непреходящих, необходимых и объективных связей права — как социокультурного феномена с иными духовными, политическими, социально-экономическими явлениями, в синергии объективирующих ту ценность правовых средств и механизмов, которые вкладываются в индивидуальное, коллективное и массовое сознание, формируя представления о праве в тот или иной период эволюции государственности.

Системное видение права и тренды правокультурных процессов зависят от множества факторов, одним из которых является качество жизни граждан. Эта категория абсорбирует в себе как позитивные, так и деструктивные проявления законотворчества и правореализации, однако остается вне научного интереса правоведения. В то же время основной задачей последнего, согласно Конституции России, является соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, признаваемых высшей ценностью, в связи с чем «качество жизни», по нашему мнению, есть показатель в том числе эффективности права в его многомерном измерении.

Междисциплинарный контент социально-экономической категории «качество жизни»

Научные исследования уровня и качества жизни в российском государстве стали осуществляться в XX в. и акцентировали внимание на выявлении

факторов дифференциации населения (Д.П. Журавский); на изучении благосостояния семьи (А.В. Чайнова, Ф.А. Щербина и др.). Формируя основы социальной статистики в России, научные социологические подходы сохранялись до 30-х гг. XX столетия. Позднее идеологизация гуманитарной науки и политический курс на рост промышленности и производства существенно нивелировали изучение факторов социально-экономического прогресса (личные потребности и интересы потребления, благосостояние народа, удовлетворенность материальным положением и др.), фактически лишив объективности научные изыскания в данной среде. В 60–80-х гг. прошлого столетия интерес социологической и экономической науки к исследованиям уровня и качества жизни возрос. В работах отечественных ученых (Н.И. Бузляков, В.И. Гурьев, Л.Г. Зубов, В.Ф. Майер, В.М. Рутгайзер, Г.С. Саркисян и др.) сфера благосостояния народа изучалась с политэкономических позиций, но индикаторы фактического расчета уровня и качества жизни не были определены в плоть до 1992 г. Существенным этапом в развитии макроэкономических прогнозов и прогнозировании социально-экономического роста явилось принятие «методологии системы национальных подсчетов», в которой население впервые было включено в структуру макроэкономических показателей посредством отдельного указания на уровень его благосостояния в самостоятельном блоке. Впрочем, такой интерес сегодня, как и к категориям «народное благосостояние», «степень удовлетворения» материальных и духовных запросов трудящихся и т. д., перестал быть актуальным, в том числе связи с «обнищанием большинства населения», отмечают исследователи в работе «Политика доходов и качество жизни населения» (Gorelov, 2003) в начале XXI столетия.

Оставаясь достаточно многообразной и дискуссионной сферой изучения, категория «качество жизни» в определенной взаимосвязи с «уровнем жизни» имеет множество научных подходов их исследования, в целом являясь коррелирующими с такими показателями, как: валовый внутренний продукт на душу населения, соотношение доходов и расходов, минимальный размер оплаты труда, прожиточный минимум и др. на социально-экономическом уровне.

Будучи первостепенно социально-экономической категорией, «качество жизни» представляет собой обобщение понятий «уровень» и «стоимость» жизни, включая в себя не только учет потребления материальных услуг и благ, но и здоровье, продолжительность жизни, условия окружающей среды, удовлетворение духовных потребностей, душевный комфорт, морально-психологический климат, свободу, личную безопасность, доверие к власти, уверенность в завтрашнем дне, свободу, допустимый уровень экономического неравенства и др.

В соответствии с индексом качества жизни, разработанным компанией Economist Intelligence Unit (2005), индикаторами качества жизни в 111 странах являются: а) здоровье, ожидаемая продолжительность жизни; б) показатели семейной жизни (уровень разводов); в) состояние общественной жизни (участие в делах гражданского общества); г) ВВП на душу населения, покупательная способность, материальное благополучие граждан; д) политическая стабильность; е) география и климат; ж) гарантии труда, уровень безработицы; з) политическая свобода; и) гендерное равенство (сопоставляются зарплаты мужчин и женщин).

В этом списке первые 3 места занимают Ирландия, Швейцария, Норвегия. На последних «109—111» — Танзания, Гаити, Зимбабве. Россия на 105 месте. По другим расчетам (индекс пакистанского экономиста Махбуба уль-хака — Human Development Index, HDI), в определении качества жизни задействованы три индикатора из девяти перечисленных выше, а именно: 1) здоровье и долголетие; 2) доступ к образованию; 3) величина ВВП и покупательная способность. Здесь Россия стоит в группе стран с высоким уровнем развития на 55 месте, опережая Китай (101 место) и Индию (136 место). При этом самые обобщенные показатели, указывающие на целесообразность и важность развития человеческого капитала, все-таки должны, по нашему мнению, особо учитывать состояние экономического неравенства и бедности. К последним, по мнению В.М. Жеребина и А.Н. Романова, относятся: коэффициент дифференциации доходов; коэффициент Джинни (индекс концентрации доходов; соотношение среднедушевых доходов с величиной прожиточного минимума, дефицит денежного дохода) (Zherebin & Romanov, 2013:83—93). Неоднородность подходов к оценке качества жизни граждан, например европейских и юго-восточных государств, могут различаться существенно, в том числе в зависимости от степени их цивилизационного и экономического развития, соответствующей дифференциации на развитые и развивающиеся страны, традиционно отмечает прикладная аналитика.

На общетеоретическом аналитическом уровне следует отметить, что последние десятилетия в отечественной и зарубежной социологической науке для установления качества жизни граждан достаточно активно используется еще одна социально-экономическая категория «стратификация населения». Еще в трудах известного немецкого социолога Г. Зиммеля рассматривались процессы социальной стратификации (дифференциации) в качестве свойственного всем государственным устройствам «нормального» явления (аналогично с положениями Э. Дюркгейма о преступности как «нормальном явлении»), характерного для социального развития в целом. В работе «Социальная дифференциация: социологическое и психологическое исследование» (1890 г.) (Simmel, 1909). Г. Зиммель подчеркивает необходимость изучения не исключительно самих процессов дифференциации, хотя они являются необходимым объектом изучения социогуманитарных наук, а пристальное внимание следует уделять *«настоящей реальности» — социально-экономическому положению конкретных людей (групп)*. Понимая под обществом «единство, состоящее из единств», автор утверждает о том, что социум есть там, где выработаны общезначимые для всех единиц правила. В основу моделей дифференциации по Г. Зиммелю положены, разумеется, социально-экономические и индивидуально-психологические индикаторы качества жизни, останавливается внимание на социокультурных, нравственных факторах — индикаторах.

Примечательно, что Г. Зиммель, в отличие от отечественных исследователей рассматривающих отмеченные нами категории «народного благосостояния» и др., включает в систему факторов, определяющих качество жизни, — *правовые институты и нормы права*. Последние постулируются автором в качестве «уравнивающих» общих правил, принудительно устанавливающих баланс разнопорядковых социально-экономических положений, и являют собой нравственные

основы в коллективном и индивидуальном легальном обретении материальных благ. Г. Зиммель утверждает, что многосложная и самодостаточная правовая система возникает там, где имеет место соответствующая социальная дифференциация, фиксирующая имеющиеся различия между положением людей не с помощью примитивного права, или тем более проявлениями недовольства масс, а посредством права как всесторонне сохраняющим и удовлетворяющим нравственное сознание любого гражданина явления. Никакая дифференциация не станет угрозой для стабильности общественных отношений там, где право основано на морали и нравственности. Именно к такому широкому и плюралистическому типу правопонимания обращают свой взгляд исследователи социогуманитарной сферы, не ограничиваясь, как и мы, юридико-позитивистским взглядом на право и не отождествляя его в абсолюте с законом. К такому подходу с удовлетворением следует отнести междисциплинарный научный интерес современной российской философской, социологической, политической, экономической, психологической областей исследований «качества жизни», где с необходимостью отмечается целесообразность учета нормотворческих инициатив по повышению качества жизни, правореализационных, в том числе правоприменительных процессов и процедур по сохранению человеческого капитала, в том числе с социокультурных позиций.

Фундаментальные преобразования практически всех политических, социально-экономических институтов в России на рубеже XX—XXI вв. безусловно оказали свое заметное влияние и на содержание отечественных научных исследований, и на развитие новых междисциплинарных и гуманитарных направлений изучаемой сферы. Отмеченные в «Стратегиях развития информационного общества в России на 2017—2030 годы» в п. 70 разделе «наука, технологии и образование» приоритеты указывают на: а) создание благоприятных условий для научной деятельности; б) развитие междисциплинарных исследований и др.¹ Междисциплинарные исследования приобретают масштабный характер и получают свое перманентное развитие. Казалось бы, сугубо экономические проблемы рассматриваются сегодня под углом зрения управленческой и регулирующих функций государства и права, их политических компонентов, а также в глубоком философском осмыслении экономики как социокультурного феномена.

В работе «Социокультурная экономика» профессором А.А. Аузаном внимание сосредоточено на рассмотрении проблем «Cultural Economics», сформулированных совместно с известным экономистом, лауреатом Гумбольдтовской премии, культурологом и математиком, профессором Ш. Вебером в русскоязычной версии как «социокультурной экономики». Автор, исследуя влияние культуры на экономику, отмечает такие катализаторы позитивного развития экономической системы, как: 1) наличие сильной *грамотной* бюрократии, работающих судов; 2) однородность (этническую, возрастную, языковую и др.) общности; 3) снижение транзакционных издержек и неопределенности и культурной дистанции, иных негативных экстерналий и др. К негативным параметрам А.А. Аузан относит: а) высокую дистанцию власти, т. е. невозможность

¹ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС КонсультантПлюс.

оказать влияние на власть; б) культурные ограничения инициатив по «снятию» неопределенности; в) недоверие граждан друг другу; г) отсутствие «точки опоры», понимания последовательности действий в совершении «толчка» или «рывка», в том числе с «неожиданным использованием старого» как нового, зависящего от «социокультурного профиля страны» и т. д. И то и другое — «вещи измеримые и вычисляемые», утверждает автор (Auzan, 2017), рассматривая новые методологические решения и формулы повышения качества жизни в преодолении «эффекта колеи» в социокультурном пространстве России.

В междисциплинарном исследовании «Россияне в условиях экономического кризиса» (Н.Е. Тихонова, А.В. Каравай) с позиций социальной философии и экономической социологии также обосновываются проблемы методологического характера при изучении качества жизни наших соотечественников в русле ресурсного подхода. Авторами фокусируется внимание на экономических последствиях кризиса (падение доходов, возрастание бедности, банкротство предприятий и др.) и указывается, что основной проблемой низкой ресурсообеспеченности населения становится «качество жизни». «Подавляющее большинство соотечественников имеют показатели ресурсообеспеченности ниже середины шкалы учета ресурсов (экономического, властного, социального, культурного и квалификационного) (Becker, 1964, Bovraiev, 1983), а у 42 % они находятся в нижней четверти... Естественно, столь глубокие неравенства обуславливают и принципиально разный уровень жизни обладателей различного объема ресурсов... Разница в этом соотношении столь велика, что позволяет утверждать: группы, различающиеся их ресурсообеспеченностью, живут как бы параллельных мирах» (Tikhonova & Karavay, 2016:43—46). 86 % российских граждан вообще не имеют экономического ресурса, 56 % — властного, 15 % — квалификационного, 29 % — культурного. Социальный ресурс имеет тенденции сокращения: а) с 21 до 13 % (возможность устроиться на хорошую работу); б) с 24 до 20 % (устройство в медицинское учреждение для лечения); в) возрастание долговых обязательств физических и юридических лиц на 34 % (Tikhonova & Karavay, 2016) и т. д. Выводы авторов вполне логичны и подчеркивают не рыночные в своей полноте, и не правовые в своем содержании начала российской экономики, что может спровоцировать рост недовольств в ресурсонеобеспеченных группах населения, не говоря уже об улучшении их уровня жизни.

Поиску механизмов преодоления отмеченных проблем посвящаются междисциплинарные исследования известных социальных философов З.Т. Голенковой и Ю.В. Голиусовой, в которых рассматриваются острее проблемы качества жизни российской молодежи, являющейся объектом пристального внимания с точки зрения сохранения человеческого капитала в любой стране мира. Критерий обеспечения возможностей осуществлять трудовую деятельность, как нами отмечено ранее, используется во всех индикаторах качества жизни. Прекариат — как одна из категорий трудоспособного населения не занятого в «официальной трудовой деятельности (получающие «серую» зарплату, уклоняющиеся от уплаты налогов, занятые в третичном секторе и др.) охватывает значительное число активного молодого трудового населения. Причем на 2014 г. почти 10 % таковых являлись безработными, из них — среди безработных в возрасте

15—29 лет — 23 % с высшим образованием. Численность молодых людей в возрасте от 20—24 лет в России и странах ЕС (без специального высшего образования) составляет 10—15 %. Согласно экспертным оценкам количество безработной и получающей случайные заработки (до 29 лет) составляет 1/5 часть этой молодежи. Так называемое поколение NEET не стремится к накоплению человеческого капитала, не самосовершенствуется, не проявляет активности в работе. «Интернетное поколение» зачастую не желает социализироваться, безразлично или наоборот — протестно, враждебно относясь к общественному, отличному от их мнению, что ведет к возникновению неправовых и радикальных политических групп (организаций) (Golenkova, Goliusova, 2016). Данная проблема не может не интересовать правоведов, прежде всего с точки зрения превенции правонарушений, а также изучения каузальной природы аномативного (маргинального) поведения.

Не меньшую озабоченность с позиции защиты социально-экономических конституционных прав граждан вызывает качество жизни граждан пенсионного возраста. Известна проблема «старения нации», которая влечет за собой ряд глобальных негативных последствий: а) нагрузка на социальные институты здравоохранения; б) увеличиваются расходы пенсионной системы; в) демографический кризис г) духовно-нравственная и материальная уязвимость (ущербность) людей старшего поколения и т. д. В России существует страховая пенсионная система по аналогии со многими зарубежными странами. Выплата пенсий производится из Пенсионного фонда, а не из бюджета страны. Страховые взносы, выплачиваемые работодателем, составляют 22 % от заработной платы работника, которая является мизерной по сравнению с другими странами, что демонстрирует несоответствие нашей пенсионной системы мировым стандартам. Кроме того, модель системы здравоохранения и механизмы обязательного медицинского страхования (размер выплачиваемого страхового взноса работодателем составляет 5,1 %) исчисляются из той же оплаты труда (Golenkova & Goliusova, 2016), что деструктивно влияет на качество жизни значительного числа российских, в том числе работающих граждан.

В списке рейтинга стран с минимальным размером оплаты труда Россия находится на 95 месте (из 187 государств) между Мексикой (94 место) и Папуа-Новая Гвинея (96 место), критически уступая Люксембургу (2344 долл.), Великобритании (1897 долл.), Германии (1877 долл.), Франции (1762 долл.), США (1257 долл.), Испании (1239 долл.) и др. В нашей стране это 12 130 рублей (195 долл.). Размер установленный в России на сегодняшний день МРОТ — та сумма, которой оценивается труд работника работодателем, независимо от вида и формы деятельности и которая является показателем для дальнейшего расчета социальных пособий (больничный лист, выплаты по уходу за детьми и др.). Потребительская корзина (в России — фактически индикатор бедности) в России служит основанием для установления МРОТ и принципиально отличается от данного показателя зарубежных стран, показывая фактически, в нашей стране *не качество жизни, а степень выживаемости*. В России размер потребительской корзины составляет в среднем 11,2 тыс. рублей, где продукты питания занимают 50 % (5,6 тыс. — расходы на продовольствие, 2,8 тыс. — на все

остальное), а в Европе и США — 20 %. За счет сезонного снижения цен на овощи и фрукты, включения в «корзину» продуктов с низким для здоровья качеством, отсутствием учета оплаты за транспортные расходы и информационные, образовательные и иные платные услуги, размер потребительской корзины не соответствует в России существующим реалиям и должен быть увеличен как минимум в 3 раза. Принимаемый фактически кулуарно Министерством труда и занятости, утверждаемый Правительством России, размер потребительской корзины, методика его подсчета² устанавливаются подзаконными актами, постановлениями правительства, что не соответствует, на наш взгляд, характеристике нашего государства как правового и социального.

Но и в этом случае, как отмечает Н.А. Власенко в работе «Модернизация Конституции России (к итогам обсуждения в связи с 25-летием)», исполнительная власть в России не является «полнокровной», ее инициативы не самостоятельны, «скованы», не оперативны, ориентированы на выполнение задач, диктуемых иными, конституционно нелегитимизированными околовластными структурами. Складывается двойственность ситуации между реальной и формальной (писаной) Конституцией. Автор анализирует труды российских (Алексеев С.С., Бороцкая К.Б., Клишас А.А., Хабриева Т.Я. и др.) и зарубежных (Иензее И., Кирххоф П. и др.) правоведов, изучающих идеи социального и правового государства, и излагает достаточно дискуссионные взгляды ученых на данную проблему. Так, по мнению С.С. Алексеева, «передовая идея социального государства» является не более чем «общей терминологической формулой и коррелирует с понятием «социалистическое государство», заменяя и корректируя его. Основной посыл декларативности «социального государства» состоит в усилении роли государства в решении социальных проблем, в экономико-распределительной сфере, расширении и ужесточении его властно-императивных начал и властно-публичном управлении. За этим, разумеется, следует разрастание чиновничье-бюрократического аппарата, злоупотребление властью, коррупция и др., что вызывает озабоченность С.С. Алексеева. Зарубежные авторы, пафосно заявляя о социальном государстве как результате реализации идеи либерального государства, по сути не определяют конкретных обязанностей по проведению социальных реформ, а фактически посредством рассматриваемой категории обосновывают задачу — «держаться какой-то цели — цели человеческого благополучия» (Vlasenko, 2019), резюмирует Н.А. Власенко.

Юридическая наука о ценности права в установлении критериев качества жизни

Благополучие человека, качество его жизни, условия, правовые стандарты и гарантии его социальной и экономической безопасности все более активно исследуются юридической наукой. Актуализация современных проблем экономико-правового характера особенно привлекает внимание правоведов в современном проблемном поле сохранения человеческого капитала в Обществе риска.

² Богданова Т. Не прожить на минимум. Почему необходимая сумма занижена в три раза // Аргументы и факты. 20.04.2017.

Форс-мажорные риски природных явлений, имеющих стихийный характер, экстремальные ситуации общественной жизни (военные действия, массовые заболевания, эпидемии и др.), требуют от государства и законодательной сферы создания благоприятных условий для развития механизмов всевозможного, в том числе частно-государственного партнерства в социально-экономической области (Yastrebov, 2011). Между тем интересы цивилистики, уголовного, административного и других отраслей права в изучении рискогенности современной жизни и, в связи с этим, рисков снижения благосостояния граждан, прежде всего экстраполируются в сферу конституционного права, в котором человек признается обладателем общепризнанных прав и свобод, соблюдение и защита которых — обязанность государства. Гарантии, декларируемые в Основном законе России 1993 г. и механизмы их реализации, в связи с динамично развивающимися общественными отношениями, требуют конкретизации и обновления, в особенности с учетом отмеченных остоятельств.

Следует согласиться с Н.А. Власенко в части необходимости «точечных изменений Основного закона России», которые известный теоретик права прогностично связывает с целесообразностью обоснования принципа «адекватности существующей реальной практике жизни» и необходимостью «концептуального видения точечных преобразований». В то же самое время представляется более полемичной «перспективная концепция изъятия социально и идеологически отягчающих идей» социального и правового государства, не основывающихся на доктрине социального предназначения права и гарантий, устанавливаемых правовым государством. Верно и то, что наличие и обоснованность доктринального видения тех или иных, даже очень острых и общечеловеческих ценностей и проблем далеко не гарантирует его реализации, как отмечает в своей работе Н.А. Власенко.

Новациями в сложившейся современной правовой науке, как обосновывает А.Ф. Черданцев, являются изучение процессов возникновения и развития, формы выражения и функционирования связей права с политикой, экономикой, моралью, интересами различных социальных групп, то есть всестороннее (Cherdantsev, 2017:37) и, что несомненно важно — объективное его познание. Качество жизни населения, изучению которого юридическая наука, как отмечалось, уделяет пока недостаточно внимания, в период советского правоведения не являлось предметом его исследований. В этой связи говорить о преемственности изучения рассматриваемой проблематики представляется достаточно проблематичным. Советский период, в известной степени претворяющий в жизнь идеи социального назначения права, отмечен достижениями в экономике, промышленном производстве, поддержании уровня жизни советских граждан. Но, наряду с успехами социалистического строительства и формальным социальным равенством граждан, политика права и тактика правоприменения социальному предназначению права и государства придавала порой весьма специфическое значение. Например, осужденные за совершение преступления на срок более шести месяцев лица, в соответствии с действующим тогда законодательством, лишались права на жилище после освобождения из мест лишения свободы, возможность трудоустроиться была минимальной, за отсутствие

официального заработка и места работы более четырех месяцев в году «паразитирующие элементы» привлекались к уголовной ответственности со всеми вытекающими из этого негативными социальными и экономическими последствиями.

Однако социальная ценность социалистического права чаще всего справедливо не подвергалась учеными-правоведами сомнению, за исключением упреков и досады на отсутствие в учебниках по теории права раздела по праву социального обеспечения (Alekseev & Cherdantsev, 1975:145—147). Реформа советской политической системы сопровождалась ревизией идеологии, и взамен монопольной роли партии, идеологического монополизма были провозглашены другие ценности: примат общечеловеческих ценностей, прав человека, политический и экономический плюрализм, социальная защищенность и правовое государство. «В конце концов сущность и социальная направленность государства *определяются не термином, а конкретными ценностями*, которые оно утверждает, развивает и охраняет», — отмечал еще в советский период А.Ф. Черданцев (Cherdantsev, 1992:12).

В этой связи конкретную ценность для функционирования правопорядка имеют как раньше, так и теперь мотивация и направленность поведения лиц, оказавшихся в уязвимом неудовлетворительном и оскорбительном социально-экономическом положении, обусловленные состояниями неопределенности, пограничности и отчужденности, ведущими к совершению правонарушений, в том числе преступлений. К числу причин маргинальности, помимо низкого социально-экономического уровня жизни, относятся дисгармония, низкая эффективность, технико-юридическое несовершенство и неопределенность законодательства. Последнее рассматривается Н.А. Власенко в позитивном и негативном смысле. Интересующая нас негативная сторона неопределенности, по мнению автора, может иметь не только языковые, логические, графические, но и дефектные факторы, детерминирующие неопределенность. Причины дефектной неопределенности могут быть умышленными (неумышленными, совершенными по небрежности, и специальными, имеющими целью достижение экономических, коррупционных и иных целей. Но наиболее серьезными дефектами системы права являются противоречивость и пробельность норм, где первое покушается на основу права — *«быть согласованным и сбалансированным социальным регулятором общественных отношений»*. Проблемы использования аналогии права, его толкования, риски в праве и многое другое, в особенности если они носят преднамеренный характер, могут повлечь за собой социальные и политические последствия (Vlasenko, 2015:58—77). Словом, деструктивизм данных контентов правовых неопределенностей очевиден, что может объективно обуславливать процессы правовой маргинальности и вести к нежелательным социальным эксцессам, причинность которых изучается общеправовой теорией маргинальности (Stepanenko, 2014).

Реакция законодателя на возможность наступления нежелательных последствий, связанных с низким уровнем жизни граждан, дуалистична. С одной стороны, нормативная сфера включает в себя указания на «качество жизни» граждан. Например, Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О стратегии

национальной безопасности Российской Федерации»³ стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения *качества жизни* россиян называет снижение уровня социально-экономического неравенства населения, а снижение уровня доходов относит к угрозам качеству жизни. Повышение последнего *гарантируется* созданием условий качества труда и его оплаты, достойного пенсионного обеспечения и др. О качестве медицинской помощи сказано в статье 4 главы 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁴. Наконец, Конституция России в статье 7 провозглашает гарантии достойного уровня жизни российских граждан. С другой стороны, нормативно-правовая сфера не конкретизирует понятий «качество жизни», «человеческий капитал», «уровень жизни» и т. д., что, безусловно, не обуславливает негативные тенденции падения уровня жизни и увеличения бедности, но и не демонстрирует сколько-нибудь ясной позиции законодательной ветви власти в наиважнейшей сфере.

Падение социально-экономического уровня жизни граждан, нивелирование естественных прав и свобод, являются главной питательной средой для таких дезинтегративных тенденций, как: атомизация индивидов (невозможность достижения условий «общественного договора») и развитие аномии (дезорганизация сферы общепризнанных ценностно-нормативных основ). Кроме того, «резкое социальное расслоение, приобретающее уже «застойные формы», проблемы которого обнаружили ранее скрывающиеся пласты противоречий, обострила проведенная в России приватизация, носящая несправедливый и номенклатурный характер (Zorkin, 2019:245). Последствиями этой «беспрецедентной по степени несправедливости приватизации стали: нелегитимность крупной собственности, неэффективность российской экономики, деформированный характер политико-правового режима, коррупция, низкая инвестиционная привлекательность и т. д. (Zorkin, 2013:98), резкое падение качества жизни большинства российского населения. Следует заметить, что помыслы демократических модификаций того периода были успешно закреплены законодательством. Но разве не должно оно (право), как минимум, не преумножать несправедливость?» (Zorkin, 2019:246) — восклицает автор.

Социально-экономические отношения, являясь отношениями правовыми, оставаясь за рамками изучения, как правило, позитивистской юриспруденции, в конечном итоге фундируют широкий проблемный исследовательский массив для правоведения. Правовая аналитика, исследуя не только качество законодательства (это преимущественно ее прикладной уровень), но и занимаясь прогнозированием государственно-правовых явлений, непредвзято вырабатывает методологические алгоритмы междисциплинарных практик, оказывающихся полезными для юриспруденции в части превенций того, чему должны противостоять право и закон. Галопирующее падение доходов россиян, рост безработицы и правонарушаемости имеют многофакторный комплекс политических,

³ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ от 4 января 2016 г. № 1 (часть II) ст. 212.

⁴ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ от 28 ноября 2011 г. № 48 ст. 6724.

социально-экономических, духовно-нравственных и собственно юридических причин, изучаемых гуманитарной наукой, в том числе правовой аналитикой на общетеоретическом, с уточнениями на прикладном, уровнях.

Тема «качества жизни» в ее многоаспектности и бесконечности с неизменным исторически риторическим вопросом «Что делать?» подводит к осмыслению проблемы: какова же роль государства и права в установлении параметров уровня и качества жизнедеятельности человека; как качественно трансформируются правокультурные тренды (уважение к праву, авторитет правоприменителя, эффективность законодательства, уровень правосознания, состояние правовой культуры и т. д.); каково значение юридической науки для обоснования ее центральной роли — нахождение и предложение путей сохранения и развития социально-правовых процессов в сфере защиты конституционных прав и свобод соблюдения и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина; как усовершенствовать законодательство с позиций обеспечения качества жизни населения и его нравственно-правовой и социально-экономической безопасности?

Очевидно и бесспорно, что с момента зарождения юридической науки проблемы соблюдения и защиты прав граждан вызывали и вызывают непреходящий интерес философов права, представителей теоретического правоведения и догматической юриспруденции. Вся деятельность юридического научного сообщества доминирующим образом как ранее, так и теперь направлена на совершенствование законодательства, юридико-технических и технологических процессов развития нормативной сферы, устанавливающих общеобязательные для исполнения и многократно применяемые правила правомерного поведения. Вместе с тем с огорчением следует признать, повторимся, мизерный интерес правоведов к проблемам социально-экономической удовлетворенности и безопасности граждан России, а также ценности и значения права в этом контексте. Впрочем, алгоритм работ правоведов сегодня все более обращен к проблемам справедливости, гуманности, социальной составляющей в праве и правореализации (Soldatova, 2012), это вполне логично, имея в виду признание и осознание высшей ценностью прав и свобод человека в Основном законе и создание условий для их соблюдения и защиты, которые являются «совестью права» (В.Д. Зорькин).

Паритетные начала социальной сущности государства и права декларируются в статье 7 Основного закона. Как отмечает академик С.А. Авакьян, некоторое время назад принимались и социальные кодексы отдельных субъектов России, правда с неопределенным статусом или предписывающего, или рекомендательного, или проектного характера. Принимается в стране и значительное количество социальных программ и т. д. Социальность, по мнению авторитетного правоведа, есть публичная объединительная задача государства, гражданского общества и объединении граждан для реализации их индивидуальных возможностей, помощи другим людям, бизнес-сообществу, местному самоуправлению, социуму, государству. Появление статьи в Конституции РФ как о социальном государстве вызвано в силу: а) сложности решения социальных задач и возможности решения государством; б) организаторской роли государства,

объединительной и координирующей его ролях; в) ответственности государства за недопущение перекосов в социальной сфере. Решая задачи социальной помощи, государство оказывает материальную поддержку нуждающимся. А вот задачи социальной организации (создание рабочих мест, создание условий для жизни, лечения, отдыха, обеспечение населения энергоресурсами и др.) требуют приложения немалых усилий для их решения (Avakyan, 2019:18—21).

Неправовой, зачастую, характер принимаемых государством в социальной экономической сфере решений на пути построения собственной модели капитализма в России, неоднократно подвергался и подвергается острой критике в связи с пробельностью, постоянным изменением и дополнением, излишней конкретизацией, паллеативностью, а порой необъективностью и неопределенностью действующего законодательства. Несовершенство нормативной сферы, в том числе в области социально-экономических отношений, служит причиной неуважения к праву, девальвирует его ценностно-мировозренческие смыслы. Ангажированность и лоббизм отдельных узкогрупповых и корыстных интересов крупного бизнеса и его отдельных представителей, вопреки реализации парадигмы улучшения качества и уровня жизни, сводят на нет усилия социогуманитарной науки и, собственно, правовой мысли.

Заключение

Научный интерес правовой аналитики к социально-экономической категории «качество жизни» обусловлен пониманием ответственной социальной роли права в установлении баланса интересов государства, общества, личности. Устанавливая общеобязательные правила поведения, законодательная сфера, традиционно охраняющая интересы государства, определенным образом сегодня экстраполирует в себя базовые конституционные положения о приоритете прав человека как высшей ценности. «Разумное право» и «политический разум» (К. Маркс) находятся, как видится, на этапе «сближения», сегодня прежде всего исходя из острейшей турбулентной ситуации в миропорядке, обусловленной кризисными состояниями социальной сферы, экономики, политики, культуры, нравственности и в том числе каронокризисом. Но с критикой политического разума в целом, а не в чрезвычайных ситуациях, выступали еще К. Маркс, Ф. Энгельс, отмечая, что: «...политический разум есть только политический разум, ибо он мыслит в границах политики. *Чем он изощреннее, жизненное, тем менее он способен понять социальное неустройство*» (Marx & Engels, 1908:25). Право в отмеченном нами интегральном понимании и в атемпоральном смысле, а также его наиважнейшая догматическая компонента (закон), как бы то ни было, опосредуются экономическими отношениями и той экономической политикой государства, с помощью которых формируется феномен «качество жизни» как раз на таком уровне, который характеризует его правовое и социальное содержание, выявляя не спорадичные, а общие закономерности.

Контуры современной экономической политики как в макро-, так и внутренне-государственных, представляются сегодня ученым социогуманитарной сферы предельно размытыми, что максимально затрудняет оценку качества

жизни в России и за рубежом. Правовой анализ валидности и эффективности индикаторов качества жизни базируется на отдельных экономических и социологических данных, к формулированию которых, к сожалению, собственно право фактически отношения не имеет.

Отдельные факты макроэкономической ситуации, изучаемой представителями экономической теории, дают неутешительные оценки проводимой за рамками права экономической политики в России за последние 20—30 лет. Так, по мнению известного экономиста вице-президента ВЭО России, научного руководителя института экономики РАН, члена-корреспондента РАН, доктора экономических наук, профессора Р.С. Гринберга, за последние 10 лет российский рубль по отношению к иностранным валютам обесценился 10 раз, что не вызывает доверия к валюте, тотально зависящей от динамики цен на сырьевые ресурсы. За последние 30 лет, например, ВВП Австрии вырос на 66 %, в России — на 19 %. Странная, *«маргинальная цель»* войти в пятерку развитых государств, как минимум по совокупному ВВП нерепрезентативна. Более-менее репрезентативно, по мнению автора, было бы рассчитывать его (ВВП) на душу «населения, учитывая индекс «человеческого развития» в его конкретном и предметном социально-экономическом измерении. Необходимость изменения и обновления экономической теории сегодня вызвана ситуацией «разброда и шатания» в экономике. «Виртуализация» экономической науки при помощи «изъёмов» математического метода, идеологическая направленность и приверженность, в том числе рыночному фундаментализму, мощная экспансия государства в сферу экономических отношений и т. д. не способствуют гармонизации государственных, общественных и личных интересов. Вопиющее неравенство людей, кризис политических элит, упадок ценностей рационального мышления в наше «смутное время» требуют доктринального междисциплинарного осмысления концепции экономической социодинамики, реализующей патерналистические установки на их социальную полезность. В условиях *«беспрецедентной неопределённости»* глобальная опасность заключается не только в «поражении либерализма», но в отказе от ценности свободы вообще. Социальное неблагополучие «резко увеличивает риски монополизации власти», победить над которыми может активность гражданского общества, уравниваемая необходимым правовым нормированием его безопасности (Grinberg, 2019), установить которое способно только право в поистине правовом и социальном государстве.

Однако: «Социальное государство и в таком виде, в каком оно сформировалась в эпоху модерна в результате общественного договора между остальными социальными классами, уже неадекватно складывающейся принципиально новой ситуации», в особенности в условиях *«нарастающей маргинализации и депривации широких масс»*, писал в 2019 г. В.Д. Зорькин (Zorkin, 2019:170, 141). В этом смысле постановка вопроса о социальном и правовом государстве, рассмотренная нами в работе Н.А. Власенко, действительно приобретает опережающее предназначение.

Ценностно-мировоззренческая природа права, исторически формировавшая и формулируемая представителями юридической науки разных государств и эпох для человека и во имя человека, несмотря на модификации политических

режимов и экономических трансформаций — явление объективным образом внетемпоральное и внетопологическое. По мнению О.Ю. Рыбакова, на уровне абсолютных ценностных установок права появляются духовные и религиозные, нравственные и этические, естественно-правовые и идеальные ценности права. На втором уровне — становятся очевидными требования установлений целого комплекса ценностных установок, важных для развития правового, социального и демократического государства, направленных на эффективную реализацию, в том числе «рационально-утилитарных» ценностей конституционных положений в действующем законодательстве на последующих уровнях (Rybakov, 2017), к которым можно отнести категорию «качество жизни».

Собственно об этом говорит доктрина правовой политики, в одной из новейших версий объясняя ее управленческий характер. «Определение правовой политики через управление, позволяет расширить данные теории правовой политики по вопросам сущности правовой политики, ее субъектного состава, структурных уровней и принципов... правовая политика может быть определена как управление позитивным правом для подчинения его праву естественному» (Rybakov & Tikhonova, 2015:13), в содержании которого, очевидно, входят социально-экономические права, в том числе право на достойную (материально и духовно), качественную во всех отношениях, жизнь.

«Сильнейший рычаг» (Ф. Энгельс) по управлению хозяйственными и экономическими вопросами (право) и его доктринальная оболочка — юридическая наука, в настоящее время не в полной мере задействованы в решении сугубо человеческих проблем качества жизни. Для чего требуется (несмотря на неоправданную отвлеченность экономических исследований от правовых индикаторов качества жизни) к перечисленным выше *количественным* (социально-экономическим) индикаторам качества жизни, на наш взгляд, отнести и *правовое качество жизни*, измеряемое такими показателями, как: а) степень и полнота признания, соблюдения и защиты государством конституционных прав и свобод человека и гражданина; б) удовлетворенность граждан деятельностью системы правосудия, правоохранительных органов и иных государственных и общественных организаций; в) информированность общества о необходимости отмены и внесения изменений в действующее законодательство; г) уровень правовой культуры, правового сознания и правового воспитания; д) уважение и авторитет к законодательной, исполнительной и судебной ветвям власти; е) признание политики государства соответствующей интересам и потребностям реализации конституционной идеи «достойного уровня жизни» человека и гражданина; ж) признание гражданским обществом эффективной государственной политики в политической, экономической, культурной и иных сферах общественной жизни; з) объективная оценка реализации правовых гарантий для личной, общественной национальной экономической и экологической безопасности; и) «измерение» качества действующего законодательства не величиной отмененных, вновь принятых или дополненных законов, а их способностью обеспечивать *правовое качество жизни населения*, то есть полноту удовлетворенности населения позитивным правовым характером нормотворчества и юридической практики, при реальном

воплощении которых человеку и гражданину гарантируется и обеспечивается безопасное и устойчивое развитие.

Очевидно, что предлагаемый перечень показателей правового качества жизни является неполным и, предположительно, лишь дополняет социально-экономические индикаторы качества жизни. Кроме предложенного, требуется разработка методологии подсчета и обоснования правовых критериев оценки изучаемой категории для изложения их в нормативной сфере, устанавливающих в синергии политические, социокультурные, психологические и иные детерминанты. Возможно, эвристическая значимость выдвигаемого нами междисциплинарного проекта может быть полезной с позиции социогуманитарного моделирования путей совершенствования политики государства, непосредственно законодательства в сфере стабилизации и развития качества жизни российского населения, выработки реальных нормативных стандартов достойной жизнедеятельности в сфере реального признания, соблюдения прав и свобод россиян — как универсальных этических и правовых абсолютов, защищаемых и охраняемых в социально-правовом национальном пространстве России.

References / Список литературы

- Avakyan, S.A. (2019) Sociality: constitutional and legal guarantees of fulfilling the tasks of the state, activating the individual and preventing dependency. *Journal of the Belarusian State University. Law*. (3), 18—21. (in Russian).
Авакьян С.А. Социальность: конституционно-правовые гарантии выполнения задач государства, активизации личности и предупреждения иждивенчества // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2019. № 3. С. 18—21.
- Alekseev, S.S. & Cherdantsev, A.F. (1975) New work on the General theory of state and law. Т. 2. Petrov V.S. & Yavich L.S. (eds.). Leningrad University Publ., 1974, 416 p. Review. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. (2). 145—147. (in Russian).
Алексеев С.С., Черданцев А.Ф. Новый труд по общей теории государства и права. Т. 2. Общая теория права / Отв. ред. В.С. Петров и Л.С. Явич. Изд-во Ленингр. ун-та, 1974, 416 с. Рецензия // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 2. С. 145—147.
- Auzan, A.A. (2017) The socio-cultural economy. *Science and Innovations*. 2 (168), 4—10. (in Russian).
Аузан А.А. Социокультурная экономика // Наука и инновации. 2017. № 2 (168). С. 4—10.
- Baranov, V.M. (2019) Legal riskology in a technical and legal cut. *Yuridicheskaya tekhnika*. (13), 9—15. (in Russian).
Баранов В.М. Правовая рискология в технико-юридическом срезе // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 9—15.
- Cherdantsev, A.F. (1992) State power and its justification. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. (2), 3—12. (in Russian).
Черданцев А.Ф. Государственная власть и ее обоснование // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 2. С. 3—12.
- Cherdantsev, A.F. (2017) Integrative misunderstanding of law. *Legal science: History and the presence*. (2), 30—38. (in Russian).
Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Юридическая наука: История и современность. 2017. № 2. С. 30—38.

- Golenkova, Z.T. & Goliusova, Yu.V. (2016) The Russian precariat: human capital accumulation of different age groups. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 3 (18), 57—69. DOI: <https://doi.org/DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.412>. (in Russian).
Голенкова З.Т., Голусова Ю.В. Российский прекариат: проблемы накопления человеческого капитала // Вестник института социологии. 2016. № 3 (18). С. 57—69. DOI: <https://doi.org/DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.412>
- Grinberg, R.S. (2019) The contours of the new economic policy in context of the global transformations. *Scientific works of the free economic society of Russia*. 218 (4), 133—139. (in Russian).
Гринберг Р.С. Контуры новой экономической политики в условиях глобальных трансформаций // Труды ВЭО России. 2019. Т. 218. № 4. С. 133—139.
- Gorelov, N.A. (ed.). (2003) *Policy and quality of life of the population*. Saint Petersburg, Peter Publ. (in Russian).
 Политика доходов и качество жизни населения / под ред. Н.А. Горелова. СПб.: Питер, 2003. 653 с.
- Isakov, V.B. (2016) Legal analytics: theory and practice. In: Bepalov S.V. (ed.) *Donetsk Readings 2016. Education, Science and Modern Challenges: Materials of the I International Scientific Conference*. Т. 8. Legal Sciences. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publ., pp. 30—33. (in Russian).
Исаков В.Б. Правовая аналитика: теория и практика. В сборнике: Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности: Материалы I Международной научной конференции. Т. 8. Юридические науки / под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. С. 30—33.
- Marx, K. & Engels, F. (1908) *Literary heritage*. Т. II. (in Russian).
Маркс К., Энгельс Ф. Литературное наследие. Т. II. 1908. 425 с.
- Rowbotham, M. (1998) *The grip of death: a study of modern money. Debt seavery and destructive economics*. UK, Charlbury Publ.
- Rybakov, O.Yu. (2017) Type of legal understanding as a value-worldview prerequisite for the interpretation of law. *Education and law*. 2017. (2), 153—157. (in Russian).
Рыбаков О.Ю. Тип правовопонимания как ценностно-мировоззренческая предпосылка толкования права // Образование и право. 2017. № 2. С. 153—157.
- Rybakov, O.Yu. & Tikhonova, S.V. (2015) Legal policy as means of administering positive law: a new version of the legal policy theory. *Lex Russica*. С (3), 38—40. (in Russian).
Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Правовая политика как управление позитивным правом: новая версия теории правовой политики // Lex Russica (Русский закон). 2015. Том С. № 3. С. 38—40.
- Simmel, G. (1909) *Social differentiation. Sociological and psychological research*. Authoriz. translated from German by Vokach N.N. & Ilyin I.A.; Kistyakovsky B.A. (ed.). Moscow, Sabashnikovs Publ. (in Russian).
Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. Авторизованный перевод с немецкого Н. Вокач и И. Ильина, под ред. и с предисл. Б. А. Кистяковского. М.: Изд. Сабашниковых, 1909. 607 с.
- Soldatova, A.V. (2012) *The legal realization in the social sphere*. Diss ... cand. Legal of sciences. Kazan, Kazan (Volga region) Federal University. (in Russian).
Солдатова А.В. Правореализация в социальной сфере: дисс... канд. юрид. наук. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2012. 200 с.
- Stepanenko, R.F. (2014) The causality, the concept and types of legal marginality. *State and law*. (6), 98—103. (in Russian).
Степаненко Р.Ф. Причинность, понятие и виды правовой маргинальности. Государство и право. 2014. № 6. С. 98—103.
- Tikhonova, N.E. & Karavay, A.V. (2016) Russians in the conditions of economic crisis. *Sociological research*. (10), 43—46. (in Russian).

Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Россияне в условиях экономического кризиса // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 43—46.

Vlasenko, V.A. (2019) Modernization of the Constitution of Russia (to the results of the discussion in connection with the 25th anniversary). *RUDN Journal of Law*. 23(2), 163—183. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2019-23-2-163-183> (in Russian).

Власенко В.А. Модернизация Конституции России (к итогам обсуждения в связи с 25-летием) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 2. С. 163—183. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2019-23-2-163-183>

Vlasenko, N. A. (2015) *Problems of legal uncertainty: a course of lectures*. Moscow: Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation. INFRA-M Publ. (in Russian).

Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. ИНФРА-М. 2015. 176 с.

Yastrebov, O.A. (2011) The tasks solved by the state at the initial stage of the public-private partnership project. *Economic revival of Russia*. 1 (27), 113—120. (in Russian).

Ястребов О.А. Задачи, решаемые государством на начальной стадии проекта государственно-частного партнерства // Экономическое возрождение России. 2011. № 1 (27). С. 113—120.

Zherebin, V.N. & Romanov, A.N. (2013) The Population Quality of Life in the Context of International Comparisons. *Economics. Taxes. Law*. (6), 83—93. (in Russian).

Жеребин В.Н., Романов А.Н. Качество жизни населения в контексте международных сопоставлений // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 6. С. 83—93.

Zorkin, V.D. (2019) *Law against chaos: monograph*. 2nd ed. corrected and amended. Moscow, Norma: INFRA-M Publ. (in Russian).

Зорькин В.Д. Право против хаоса: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 368 с.

Zorkin, V.D. (2013) *Law in the context of global changes*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).

Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013. 496 с.

Об авторе:

Степаненко Равия Фаритовна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; Учреждение высшего образования «Университет управления «ТИСБИ»; 420012, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштары, д. 13

SPIN-код: 6988-5749

e-mail: stepanenkorf@yandex.ru

About the author:

Raviya F. Stepanenko — Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kazan (Volga region) Federal University; 18 Kremlevskaya str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation; The University of management TISBI; 13 Mushtari str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420012, Russian Federation

SPIN- code: 6988-5749

e-mail: stepanenkorf@yandex.ru